

ЛЮБОВЬ С ОБРАТНЫМ ОТСЧЕТОМ

Я поднял глаза и увидел стекающие по окну капли. Вроде рисовал в тихой палате, но совершенно пропустил мимо ушей, как начался дождь. А ведь хотелось, чтобы хоть в день выписки прояснилось... Я тихо вздохнул и снова уткнулся в рисунок.

Перехватил поудобнее карандаш и продолжил заполнять легкими штрихами лист в разложенном на столике альбоме.

В тесной и унылой палате я рисовал птицу, которая, распахнув широкие крылья, свободно летела по небу.

Меня уже неделю обследовали в стационаре, но вот наконец и этот срок подошел к концу. А еще сегодня заканчивались весенние каникулы¹.

Завтра я стану одиннадцатиклассником. Наверное, можно сказать, что мне повезло. Не факт, что с двенадцатым классом² тоже повезет.

---

¹ В Японии учебный год начинается в апреле, так что весенние каникулы обозначают границу между классами.

² Японская школа делится на девять обязательных классов (начальная и средняя школа) и три дополнительных (старшая школа). Таким образом, всего насчитывается двенадцать классов.

Я снова вздохнул и бросил взгляд на прикроватные часы. Оставалось всего десять минут — мама с сестрой обещали заехать. Надо скорее заканчивать. Десять минут спустя рисунок наконец был готов.

Я посмотрел на птицу и кивнул.

— Баллов на восемьдесят шесть, — решил побаловать я сам себя.

В последнее время постоянно ставлю себе оценки. Пока лежал в больнице, много чего нарисовал, но птица получила самый высокий балл.

Пока я довольно разглядывал результат, в палату постучали. И прежде чем я успел ответить, дверь распахнулась.

— Привет! Мы за тобой! — На пороге появилась моя младшая сестра Нацуми.

— Акито, как ты себя чувствуешь? Собрал вещи? — с тревогой спросила мама, которая вошла вслед за Нацуми.

— Чувствую нормально, вещи собрал, готов выходить.

Я подхватил два бумажных пакета: один — со сменной одеждой, второй — плотно набитый мангой и альбомами. Так плотно, что я переживал, не порвется ли.

— Давайте заедем суши поесть? Акито, ты же любишь суши?

— Мне все равно, — буркнул я.

— Суши! Суши! — обрадовалась Нацуми. Это прозвучало так неловко, что я даже улыбнулся.

И в этот миг, когда мы уже шли к лифту, мы встретили девушку.

По пижаме я догадался, что она тоже пациентка. Девушка шагала по коридору красивой походкой, и за спиной развевались блестящие черные волосы. На фоне бледной кожи особенно выделялись ясные блестящие глаза, и я невольно на них засмотрелся. Девушка будто всматривалась куда-то в даль.

Наши взгляды встретились, когда мы поравнялись друг с другом. Всего на миг, но время будто замедлило ход. И короткие секунды показались мне минутами — как если бы мы уже давно смотрели друг на друга. Какое необычное чувство.

Едва я моргнул, время вновь потекло как прежде, а девушка уже прошла мимо. Произошло что-то очень странное.

Девушка уходила все дальше с альбомом под мышкой, а я обернулся и проводил ее взглядом. Тут она присела в кресло у окна в комнате отдыха. Разложила альбом и принялась рисовать.

— Акито! Лифт! — позвала меня Нацуми, которая убежала вперед.

— Ага, иду, — откликнулся я.

Перед тем как двинуться с места, обернулся еще раз и увидел, что девушка сонно зевает.

В основном в больнице лежали старики. Я и не знал, что тут есть моя ровесница. Интересно, а она здесь по какому поводу?

И что рисует?

Пока мама везла нас домой, я только и думал что о девушке, которую даже не знал по имени.

Сам не знаю почему — меня ведь не так чтобы потрясла эта встреча, — но с того самого дня я каждый раз, как рисовал, вспоминал о ней.

* * *

В последнее время я все чаще рассеянно гляжу в окно. Не на что-то конкретное. Просто: как ветер колышет траву и деревья, как привольно кружат по небу птицы. В такие минуты забываю обо всех тревогах. И мне нравится мирное течение времени.

— Хаясака! Хватит ворон считать, у нас урок!

— Простите...

Я перевел взгляд обратно на доску. Точно, я и забыл про математику. Учитель Ямасаки бурлил меня взглядом. Меня это, правда, совершенно не трогало. У меня нет будущего. И математика мне не пригодится.

Я подпер щеку рукой и опять уставился в окно. Снаружи опадали невесомые лепестки сакуры.

— Акито, он сейчас на тебя опять наорет.

— Ага, знаю.

Это меня предупредила подруга детства, Эри Фудзимото, она сидела за партой по правую руку. Очаровательно улыбнувшись и взмахнув хвостиками, она отвернулась обратно к доске.

Эри прилежно записывала все в тетрадь. Убористые ряды цифр казались каким-то кодом. А ли-

сты передо мной, наоборот, белели пустотой. Раз-ве что на прошлой странице я начеркал портретик Эри в профиль, чтобы убить время. Так себе картиночка получилась, я ее оценил в 67 баллов.

Не могу сказать, что влюблен в это хобби без памяти, но мне с детства нравилось рисовать. За этим занятием я забываю все плохое не хуже, чем когда таращусь в окно. Молча накладываю штрих за штрихом, и душа отрешается от всего. Время утекает, и моргнуть не успеешь, как урок уже закончился. Учебная тетрадь превратилась в альбом для набросков.

— Что ж, на сегодня все. В следующем месяце проведем тестирование, так что внимательно повторяйте сегодняшней материал! — велел нам Ямасаки, и как раз прозвенел звонок, отмечающий конец сегодняшних занятий.

До этого безмолвный, класс тут же загудел. Кто-то бросился в рекреацию, кто-то остался сидеть за партой и болтать. Обсуждали, что будет на тестировании, куда пойти погулять. Меня не заботили ни тесты, ни экзамены.

— Акито, сегодня опять не пойдешь в кружок? — с тревогой уточнила Эри.

— Ага, я сразу домой.

— Понятно...

— До завтра!

Я забросил сумку на плечо и хотел уже уйти, как вдруг подруга снова меня окликнула:

— Акито!

Я остановился.

— Мне кажется, с тобой в последнее время что-то не то. Если у тебя какие-то проблемы, ты только скажи, я все выслушаю! — Она смотрела на меня очень грустно.

— Спасибо. Все нормально. Удачно позаниматься в секции.

Кажется, Эри хотела сказать что-то еще, но я не стал слушать. Она ходила на баскетбол, а я на рисование. То есть последние пару месяцев как раз не ходил.

— Ой! Акито, ты что, домой? А кружок? — Это меня поймал на выходе Сёта Мураи. Тоже друг детства, но сейчас нас разнесло по параллельным классам. Мы с Эри дружим с самой началки, а с Сётой — и вовсе с детского сада. Я сам ни рыба ни мясо, а Сёта — вечно аккуратно подстриженный, бодрый, и девчонки его обожают. Еще и в футбол играет чуть ли не лучше всех в школе.

— Я домой. Что-то так лениво. Не хочу в кружок.

— Да? Эри говорит, на тебе лица нет в последнее время. Что-то случилось?

— Да нет... ничего. Пока!

Кажется, Сёта тоже хотел еще что-то сказать, но я отвернулся и ушел.

У меня слишком большая проблема. Если бы мне чем-то помогли их советы, я бы обязательно спросил, как мне быть. Но моей беде никакими советами не поможешь. Что они могут? Разве

что пожалеть меня. Поэтому я никому не соби-
рался говорить, даже лучшим друзьям.

Я дошел до остановки и сел ждать автобус.

Поднял глаза к небесам — по ним не проплыва-
ло ни облачка. Но ясное небо меня ни капли не ра-
довало. Даже наоборот: лучше бы тучи сгустились.

Постепенно на остановке собрались другие
ребята из школы, и стало шумно. Они все ржа-
ли, как придурки, а я тихо бесился.

Один воскликнул:

— Ой, заткнись и сдохни!

Тут я невольно обернулся. Двенадцатикласс-
ники друг друга подкалывали.

Я хотел им крикнуть, чтобы не разбрасыва-
лись такими пожеланиями, но прикусил язык.

Я ведь и сам когда-то делал точно так же. Ког-
да ругался с друзьями, когда бил боссов в играх.
Может, так часто желал кому-то смерти, что мне
же и прилетело.

Когда подъехал автобус, я занял самое спо-
койное место в передней части салона. Назад,
понятное дело, забились старшеклассники
и гадали. Поэтому я, когда получалось, садился
сразу за водителем. Сегодня повезло, и я бес-
смысленно уставился в окно. Мимо проплывали
знакомые пейзажи — такие же, как всегда.

Я вышел девять остановок спустя, а еще через
десять минут дошел до родного дома. Очередной
день пролетел. Сколько мне еще осталось вре-
мени? Я как преступник, который ждет, когда

ему объявят о дне смертной казни. Знает, что осталось недолго, но никто не называет точную дату. Это очень раздражает.

«Вам остался примерно год. Может быть, успеете окончить школу. Точнее определить невозможно».

Врач объявил вердикт два месяца назад, зимой десятого класса. И у меня в голове завертелось только восемь букв: «Отчаяние».

Вообще-то мне никогда по жизни особенно не везло. Я бы даже сказал, что часто не везло.

Например, в начальной школе мне единственному в столовой досталась булочка с иголкой.

А в средней школе я пошел на концерт любимого исполнителя, который проводили на открытом стадионе, и почему-то из всей толпы птица нагадила на голову именно мне.

А на вступительных экзаменах в старшие классы всем раздали нормальные задания, и только мне — чистые листы. Таких невезений у меня целый вагон. Когда я тяну омикудзи¹, мне всегда достается или «неудача», или «великая

---

¹ Один из видов гадания. В храмах, святилищах или даже просто в автоматах на улице заготавливаются бумажки с предсказаниями, степень удачливости которых ранжируется от «великой неудачи» до «великой удачи». Хорошее предсказание принято забирать с собой, плохое — привязывать в специальных местах рядом с местом гадания, чтобы оградиться от плохой судьбы. Предсказание вытягивается наугад.

неудача». И в мобильных играх с элементом лотереи мне с завидной регулярностью выпадает всякое фуфло.

Даже в той игрушке с пиратом в бочке у меня он все время выпрыгивает на первом же ходу. Сколько раз я глядел пластиковому бородачу в единственный глаз и читал в нем немой упрек.

Но зимой десятого класса мое невезение достигло высшего предела. Со мной случилось худшее из несчастий.

До сих пор я просто пожимал плечами и успокаивал себя: «Да не смертельно». Но в этот раз такая отговорка уже не работала.

Я в очередной раз вытянул несчастливый билет.

* * *

Все произошло в морозный февральский день.

Я возвращался домой из школы на велосипеде, и тут у меня бешено заколотилось сердце и стало трудно дышать. Я тут же остановился, сел на корточки возле велика. Мимо проходила какая-то тетенька, выгуливала собаку. Она ко мне подошла, растерла спину. Собака лаяла, и вокруг нас собрались другие прохожие:

— Мальчик, ты в порядке?

— Может, скорую вызвать?

Я отмахнулся, сказав, что все в норме, кое-как поднялся сам и поднял велосипед, ушел от них.

Добрел до ближайшего скверика и присел отдохнуть на лавочку, чуть успокоился. Но не знал, что в таких случаях вообще делать, поэтому рассказал родителям, что случилось, и мы на всякий случай поехали в больницу.

Сдали анализы, и в сердце обнаружили опухоль. Это крайне редкое заболевание, и при таком течении болезни и расположении новообразования хирургу сложно его вырезать, а больше поделаться ничего нельзя.

Всего полгода назад, когда бабушке диагностировали рак, я сказал родителям, чтобы они не скрывали от меня, если вдруг мне будут прогнозировать короткую жизнь. Они тогда колебались, стоит говорить бабушке или нет, и я решил вот так.

В тот момент я искренне считал, что лучше знать. Не просто внезапно умереть, а заранее подготовиться и набраться решимости. Честно, так и думал. Но теперь жалел. Хотел бы не знать и чтобы мне ничего не говорили. Только поздно.

Родители не колеблясь позвали меня в смотровую, и доктор Кикиuti тихо объявил, сколько мне осталось жить.

Поначалу я не понял, что он сказал. Мне понадобилось время, чтобы осознать, что он это мне. Казалось, я смотрю какое-то кино.

Никто бы на моем месте не поверил, что жить осталось всего год. Ни сердце не болело, ни дыхание с тех пор ни разу не сбивалось. Я даже представить не мог, что через год умру.